

Автор - Наталья Матвеева, Балашиха (Россия).

Савл

Выносит Тибр на берег близнецов,
активен камбий, трудится кольцо
смоковницы, и молоко не кисло
в сосцах волчицы. Топчется пастух,
жена при нём из эдаких простух.
Да что о них, когда разнятся числа -
у Ромула в пернатых перевес.
А тут тебе не Катна, не Эфес.
Бери левой и градусами выше.
...А знаешь, нравы нынче, что и встарь -
один убит, другой братишка - царь.
И город - вот он - примеряет крыши
и меч куёт, но ты покуда мал.
И в Тарсе Митра* - культовый Баал**.
Ты шьёшь палатки, сторожишь одежды
убийц. Но небо держит про запас
"почтовую оказию" в Дамаск,

и свет слепит, и намечает между
тобой и прошлым свой водораздел...

Для евхаристии сажает винодел
лозу в песок. И кровь густа в потире.
С тех пор волчицы прячутся в лесах,
Садовый холм жуёт корнями прах,
и близнецы не плавают по Тибру.

Обратный билет

Март - измятый весны черновик
в жирных кляксах; поджарых сороках;
притаившихся грозах в блокноте твоём на полях.
До деревни идёшь напрямик
мимо кузни и старого ДОКа.
Пёс бродячий гоняет сорок и рычит в горячах.

Вяжет пойму Киржач рукавом,
и шуга на излучине сбилась.
По высокой воде утопающих вётел не счесть.
На окраине брошенный дом -
наготово срамятся стропила,
будто спёкшейся кровью торочена ржавая жесь.

Там, над лугом, прозрачную синь
пустельга сизокрылым аршином
теребит и нечаянно память твою покачнёт.
Только рядом уже голосит,
резанув хрипотцой петушиной,
забияка орловских кровей, годовалый Нефёд.

Ну а дальше - глаза хоть закрой -
каждый шаг наизусть, как молитва,
что ночами, таясь, повторял.
А тогда, на Покров,
лязгнув хилым замком, за тобой
заскрипела натужно калитка,
и мотор у попутки усталой не сдерживал рёв.

Вот и дом, и крыльцо, но никто
не прищурится вполоборота,
как, поймавший тебя с папироской, улыбчивый дед.
С мужиками садишься рядом,
поминаешь...
И строчки блокнота

не вмещают, измятый в кармане, обратный билет.

Из толпы

На ласку на улыбку, на блесну
его ловила - он с крючка да в люди,
в толпу, в метро, в «нет доступа»... Разбудит
ошпаренным звонком, когда усну.
Старела в риторическом «когда».
Плели интриги добрые подруги.
А во дворах весенние потуги
решились к вербному - пошла вода.
Она светла была и глубока,
тонули в ней навязчивые страхи.
И гнёзда вили маленькие птицы,
и горизонт был сдержано покат.
К июню, из трамваев, из толпы
поодиночке возвращались люди.
Плескались рыбы в брошенной запруде,
и водяная серебрилась пыль.
А он принёс вдруг в жёлтом кузовке
душистой земляники - пахло лесом,
и ягодные усики отвесно
торчали.
Свет струился на паркет.

